

Либеральный консерватизм Николая Бердяева и Петра Струве и задачи декоммунизации современной России

Логика посткоммунистической стабилизации везде, во всех бывших социалистических странах Восточной Европы, выдвигала запрос на консерватизм, на те традиционные, досоциалистические ценности, которые на новой, некоммунистической основе могут объединить нацию. Речь обо всех бывших социалистических странах Восточной Европы, кроме ГДР. Там ситуация была нетипична в силу того, что ГДР просто присоединилась к ФРГ, которая в отличие от «первого социалистического государства на немецкой земле» несла в себе свою драматическую национальную память.

По этой логике первыми после коммунистов приходили к власти консерваторы, исповедующие христианские ценности, олицетворяющие преемственность национального развития, защищающие национальные святыни. Классическим выражением этой закономерности, этой логики послереволюционной, посткоммунистической стабилизации было избрание Леха Валенсы президентом новой Польши в декабре 1990 года. Валенсу избрали тогда президентом не только потому, что он в 1980 году был лидером, вождем «Солидарности», но и потому, что он принадлежал к католическому крылу «Солидарности» и был этническим поляком. Хотя надо отдать должное полякам: навязанная Сталиным советская система не мешала им оберегать национальные святыни, сохранять национальные святыни и, самое главное, сохранить значительную часть досоциалистической национальной элиты. Как я помню, уже в конце 1970-х на польских экранах появилось много фильмов, где явно слышалась ностальгия о межвоенной, несоциалистической Польше.

Если бы логика посткоммунистической стабилизации реализовывалась в новой России в чистом виде, то у нас распад марксистско-ленинской идеологии должен был привести к реставрации и превращению в государственную идеологию именно либерального консерватизма, идеологии правых кадетов, октябристов и прежде всего Николая Бердяева и Петра Струве. Ибо в русском либеральном консерватизме начала XX века было то, в чем больше всего нуждалась посткоммунистическая Россия, – патриотизм, свобода и гуманизм. Из старых, дореволюционных идеологий этим трем вызовам современной России как раз и соответствовал либеральный консерватизм начала XX века. В нем, в этой идеологии спасения России, есть всё или почти всё, что как воздух необходимо нам сегодня: и консервативный акцент на преемственности русского развития, и признание национального, суверенного государства как высшей моральной и духовной ценности; и признание того, что Россия является частью европейской правовой цивилизации; и забота о благе народов России, русского народа; и призыв к возвращению русской духовности, русской православной культуры. Речь шла о государственничестве, окрашенном национальным сознанием, связью времен, о государственничестве, скрепленном религиозным чувством, противостоящем деспотизму и насилию революции.

Мы и тогда, и до сих пор очень нуждаемся в гуманистическом прочтении своей национальной истории, которое нам позволяло бы связать воедино заботу о процветании государства с заботой о свободе и достойной жизни каждого человека.

В русском либеральном консерватизме начала XX века, в веховской идеологии одновременно и содержалась критика с позиции европейского гуманизма деспотизма, античеловечности большевистской идеологии, и была выстроена система ценностей, лежащая в основе русского национального сознания, на основе которой можно было возрождать русский посткоммунистический патриотизм. В философии русского либерального консерватизма содержится реабилитация ценностей свободы, демократии, самоценности человеческой личности, человеческой жизни, реабилитация европейского гуманизма, реабилитация всего, что находилось под запретом в советское время. После 1991 года противостоять опасности реставрации советской системы можно было, опираясь прежде всего на гуманизм, демократические ценности Запада.

Петр Струве открыто говорил, что он по мировоззрению западник, что он верен традициям российского западничества, что единственной реальной альтернативой «славянофильско-народническим мифам» является западный, капиталистический путь развития. Он обращал внимание, что уже революция 1905–1907 годов не оставила камня на камне от «народническо-славянофильского мифа о богоизбранности русского народа», который якобы чужд идее насилия, частнособственническим инстинктам и предпочитает коллективный успех личному. Уже тогда Струве выступил против «славянофильско-народнической теории», согласно которой «русский народ есть народ избранный в социальном и политическом отношении», и что якобы «мы можем и должны перескочить через отвергаемые нашим интеллигентским сознанием “буржуазные” фазы», что «мы как бы уполномочены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов»¹.

Особенность русского либерального консерватизма, его отличие от, к примеру, реакционного консерватизма Константина Леонтьева в том, что он стремился соединить в теории то, что у последнего было разделено, соединить свободы личности, ее права на счастье, достойную жизнь с возможностью сильного государства, свободу личности – с развитым национальным чувством, с религиозным чувством, соединяющим в себе мистицизм с реализмом, личное – с всеобщим. Очень характерны в этом отношении рассуждения Струве о подлинной, то есть о религиозной, личности. Полемизируя с либерализмом, который настаивает на полной рационализации чувств и привязанностей человека, он говорил, что никогда рационализация не «поглотит собой мистику государства и национальности». «Индивидуализм, как религия, – развивал свою философию Петр Струве, – учил признавать бесконечное достоинство или ценность человеческой личности. Но для того, чтобы эту личность провозгласить мерилем всего, или высшей ценностью, для этого необходимо ей поставить высочайшую задачу. Она должна вобрать в себя возможно больше ценного содержания, возможно больше мудрости и красоты. И не только вобрать. Личность не есть складочное место. Личность как религиозная идея означает воплощение ценного содержания, отмеченное своеобразием, ставящей себе такую высочайшую задачу, может быть религиозной»².

Казалось бы, идеологи либерального консерватизма специально создали идеологию, которая была созвучна вызовам, стоящим перед Россией, расставшейся с марксизмом-ленинизмом советской системы. К примеру, ли-

¹ Струве П.Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 35.

² Струве П.Б. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 68–69.

беральный консерватизм Струве отличало последовательное негативное отношение (уже с 1899 года) к коммунизму «как к учению экономически ложному и губительному, приводящему к насильственному калечению и параличу нормальной жизни». Реабилитация христианской морали и абсолютной ценности человеческой жизни, реабилитация всего, что противостояло марксистскому учению о классовой борьбе, ленинскому «нравственно все, что служит победе коммунизма», марксистскому, ленинскому «цель оправдывает средства». В статье «К вопросу о морали» Струве утверждал, что в основе его мирозерцания лежит «понятие личности и ее моральных прав», что решение главной этической проблемы «давно найдено и заключается в признании безусловно-го достоинства или ценности за человеческой личностью, как таковой. Идея абсолютной ценности человеческой личности, как этическое начало, с полной ясностью раскрыта впервые Кантом...». И из этой философии абсолютной ценности человеческой личности следовал, с точки зрения Петра Струве, очень важный для России практический вывод: «В сознании лучших русских людей и в жизни наших народных масс давно уже назрела сильнейшая потребность во всестороннем признании объективным правом прав человека, как такового. Это и есть та великая идеальная и в то же время реальная историческая задача, которая, наконец, после долгих мытарств и колебаний русской общественной мысли выкристаллизовалась как неоспоримое общее достояние с такой же ясностью, с такими же резкими, всеми мыслящими людьми до боли осязаемыми гранями, как некогда идея освобождения крестьян»¹.

В эпоху нового краха коммунизма, в эпохи нового освобождения крестьян, русского человека от остатков советского, сталинского крепостничества (главную работу уже совершил Хрущев) эти слова Петра Струве, казалось бы, могли приобрести актуальность. Струве, как и Бердяев, и Франк, всем своим учением отвергал «революционизм» как самую пагубную страсть человеческую.

Тем более что у Струве как первого идеолога русского патриотизма не было ни грана либерального фундаментализма. Для него личность становится подлинной личностью, русской личностью, когда она проникается сознанием самоценности своей нации и своего национального государства, и в этом, в позитивном отношении к российскому государству как основанию национальной ценности, как носителю национальной традиции, олицетворению преемственности веков Струве выступал уже как консерватор, правда, либеральный. И здесь вновь налицо попытки органически соединить свободу, права личности с традициями, законом, государственностью. Как пишет тот же Семен Франк, «консерватизм П.Б. состоял в убеждении, что традиция, историческое преемство, органическое произрастание нового из старого есть необходимое условие подлинной свободы, и что, напротив, всякий самоценный “революционизм”, всякая насильственная и радикальная ломка общественного порядка, всякое разнуздание демагогических страстей ведет только к деспотизму и рабству»². Консерватизм как отрицание революционизма, как призыв строить новое на основе позитивной преемственности с прошлым пронизывает все творчество Петра Струве, как и работы Николая Бердяева, посвященные критике большевистской идеологии и практики.

Но исторический парадокс состоит в том, что советская Россия, начавшая своей перестройкой процесс демонтажа советской системы, в отличие от других стран Восточной Европы, не смогла перейти от марксистско-ленинской идеологии к идеологии, обеспечивающей послереволюционную стабилизацию. Наверное, это было связано с тем, что в отличие, к примеру, от Польши у нас в России

¹ Цит. по статье С.Л. Франка о книге П.Б. Струве «На разные темы» // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 484.

² Там же. С. 514.

не было уже представителей досоциалистической, консервативной интеллигенции. А роль РПЦ в духовной жизни страны была несравненно слабее, чем роль католического костела в жизни ПНР. Код марксистско-ленинской идеологии, ее основные «скрепы» в несколько причудливой форме выжили и пустили глубинные корни в наших посткоммунистических идеологиях. На самом деле и наш нынешний посткоммунистический либерализм, и наше нынешнее славянофильство воспроизводят основные ценности коммунизма. И наши так называемые правые, наследники СПС Егора Гайдара, и наши последователи учения об особой русской, антибуржуазной цивилизации исходят из признания *революции* самой по себе как высшей моральной ценности, исходят из убеждения, что без Октября, без большевистской революции Россия не смогла бы ответить на вызовы истории, решить задачи индустриализации, модернизации. В нашем либерализме так же мало гуманизма, как и в большевизме. Сама по себе человеческая жизнь для либералов, поклонников социалистической индустриализации, так же мало стоит, как и для неосталинистов, красных славянофилов.

Наши новые славянофилы оправдывают большевизм, коммунистический эксперимент еще проще. Они трактуют его как реализацию особого русского коммунистического культурного кода. Парадокс постсоветской России состоит в том, что даже РПЦ не включилась активно в процесс декоммунизации России, не осуждает зримо, публично преступления большевизма. В сознании нашей интеллигенции остался марксистский исторический фатализм, убеждение, что история не терпит сослагательного наклонения. Почти всеобщим для современной России является убеждение, что история как наука несовместима с моральной оценкой исторических деятелей, что этика и общественные науки несовместимы. У нас до сих пор глубока вера, что, несмотря на ужасы коммунистического эксперимента, сам по себе стоящий за ним коммунистический идеал обладал моральной и духовной ценностью. До сих пор преобладает марксистское убеждение, что коммунистическая коллективистская организация труда, промышленная организация производства в моральном, духовном отношении выше, чем индивидуальный труд ремесленника, крестьянина. Многие до сих пор убеждены, что существуют «толчки истории», которые освободят человечество от рыночной экономики и заботы о прибыли, освободят от капитализма. Не говорю о том, что героика красного дела, героика побед над Колчаком и Деникиным активно присутствует в постсоветском кино, в постсоветской культуре. До сих пор доминирует классовая, марксистская трактовка понятия «народ», связывающая его прежде всего с «трудящимися», рабочими и крестьянами.

И отсюда главный идеологический вопрос современной России. С чего начинать, как и каким образом уходить от марксистского наследия в сознании? Ведь очевидно, что невозможно нравственное, духовное возрождение России до тех пор, пока мы будем исповедовать марксистско-ленинское «нравственно всё, что служит победе коммунизма», будем ставить мифологические цели истории выше ценности человеческой жизни.

Теперь очень важно понять, почему позднее славянофильство в лице Николая Данилевского и Константина Леонтьева мало что дает для декоммунизации новой России, преодоления идейного наследия большевизма. Как настаивал в своем творчестве Николай Бердяев, «правды гуманизма» не было не только у большевиков, но и у идеологов реакционного консерватизма. Позднее славянофильство, тем более откровенный охранительский консерватизм, не дают идейной основы для преодоления большевизма, ибо, к примеру, Константин Леонтьев, как и большевики, категорически возражал против самоценности свободы и человеческой личности, против возможности отличить радость и боль, страдания в человеческой истории, против моральной оценки деятельности исторических личностей. Призывы Константина Леонтьева к русским со-

хранить «самобытность духовную, умственную и бытовую»¹ соединяются у него с призывами забыть о ценности свободы, ценности полноты человеческой жизни, ценности личного счастья, ценности прав личности.

Русский «реакционный» консерватизм отрицал не только ценность свободы, но и ценность человеческой жизни. Русский реакционный консерватизм отрицал вообще возможность нравственной, гуманистической оценки различного рода политических систем, известных истории человечества. «Статистики нет никакой для субъективного блаженства отдельных лиц, – писал Константин Леонтьев, – никто не знает, при каком правлении люди живут приятнее». Вообще, считал Константин Леонтьев, страдание – это не плохо и не хорошо. «Все болит у древа жизни людей... *Боль для социальной науки – это самый последний из признаков, самый неуловимый; ибо он субъективен, и верная статистика страданий, точная статистика чувств невозможна будет до тех пор, пока для чувств радости, равнодушия и горя не изобретут какое-нибудь графическое изображение...*»².

Большевизм не преодолеть с помощью охранительского консерватизма, ибо сталинская колхозная система была воплощением в жизнь идеалов русскости, по Константину Леонтьеву. Леонтьев настаивал на том, что неравенство, крепостное состояние, полуголодная жизнь, жизнь со страхом перед очередным урожаем и даже повальная неграмотность по душе русскому человеку. Конечно, отмена крепостного права, все эти либеральные реформы Александра II – беда, но, слава Богу, считает Константин Леонтьев, что осталась привязанность крестьянина к общине. «Если у нас теперь в России сравнительная с прежним личная свобода миллионов крестьян не привела еще ко всем *жестоким* результатам своим, то это благодаря тому, что они находятся в некоторого рода *новой крепостной зависимости* от неотчуждаемой земли и общины»³.

И самое главное. Большевизм и большевистскую идеологию не преодолеть с помощью позднего славянофильства, с помощью Николая Данилевского и Константина Леонтьева, ибо уже они оправдывали характерное для советской идеологии противостояние ценности государства (у большевиков «первого социалистического государства») ценностям человеческой жизни. Уже поздние славянофилы ставили внешнее, военное могущество государства выше внутреннего могущества, выше качества жизни «народных масс».

В своих статьях, посвященных критике охранительского, бюрократического консерватизма, Николай Бердяев обращал внимание, что его, реакционного консерватизма, особенность состоит в том, что он отрывает «внешнее величие России», проявляющееся в необъятных размерах и военной мощи империи, от ее «внутреннего величия», от реального уровня развития культуры народа, благ его жизни, его способности к саморегуляции⁴. В частности, обращал внимание Николай Бердяев, наш родной бюрократический консерватизм рассматривает и «земское и городское самоуправление, но и Гос. Думу» как нечто внешнее, чужое, не имеющее никакого отношения к существованию, характерному для самой России.

Выражаясь современным языком, можно сказать, что для охранительского консерватизма нет проблемы внутреннего, человеческого развития, челове-

¹ См.: Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 48.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 245.

⁴ «Историческое значение русской бюрократии, – писал Николай Бердяев, – определялось сохранением внешней величины России, а не развитием ее внутреннего величия» (Бердяев Н.А. Общественный и бюрократический консерватизм // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 гг. М.: Астрель, 2007. С. 439).

ских радостей, внутреннего величия, ибо для него нет проблемы человеческой цены нашего внешнего величия. А ее, проблемы цены прогресса, человеческой цены государственного величия, нет, ибо философия охранительского консерватизма изначально, как я уже показал выше на примере Константина Леонтьева, отрицает гуманизм с характерным для него состраданием к болям, мукам человека. Для того чтобы определить внутреннее величие, надо выяснить, как живут в этом государстве люди, насколько они счастливы, преуспевают в личной жизни. Но это невозможно сделать, если вслед за Константином Леонтьевым отрицать сами понятия «счастье», «страдание», «боль».

Во всех своих статьях, посвященных анализу противоположности между русским христианским гуманизмом Федора Достоевского и «реакционным консерватизмом» Константина Леонтьева, Николай Бердяев обращал внимание, что последний любил лишь «мощь государства», проявляя при этом поразительное безразличие к тому, как живут люди в этом мощном государстве. Бердяев видел в Леонтьеве предшественника Ницше, ибо, с его точки зрения, Леонтьев первый попытался стать выше противоположности между Добром и Злом, попытался переступить через человеческие представления о различии между муками жизни и ее радостями. Он, писал Николай Бердяев, «мораль ценностей красоты... государственного могущества противопоставил морали, основанной на верховенстве человеческой личности, на сострадании к человеку. Не будучи жестоким человеком, он проповедовал жестокость во имя своих высших ценностей, совсем как Ницше... В отличие от большей части русских людей, он любил мощь государства. Для него нет гуманных государств...».

Логика у Леонтьева простая. Хотите великой России – забудьте о правах личности, о благах жизни человеческой. Раз вы хотите великой России, раз вы хотите, «чтобы русское государство было прочно, долговечно», говорил он «чистым славянофилам», то тогда вам «пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама царская власть возростали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого наследственного чиновничества»¹.

Особенность нынешней идеологической, духовной ситуации в России состоит в том, что если в дореволюционной России отказ от нравственного, гуманистического подхода был исключением, и сам Константин Леонтьев был знаменит тем, что он как *исключение* посягнул на общепринятое, очевидное и сказал, что нет боли, нет страданий людей, а есть только величие государства и «красота сложного», то сегодня философия реакционного консерватизма Константина Леонтьева становится доминирующей в общественном сознании.

Мы сегодня оправдываем и сталинскую насильственную коллективизацию, и голод 1932–1933 годов, унесший семь миллионов жизней, и Гулаг, и сталинские репрессии 1937–1938 годов тем, что якобы по-другому, без этих жертв мы не подготовились бы к войне с фашистской Германией и у нас не было бы праздника 9 Мая и Гагарина. Константин Леонтьев говорил, что без «крепостного рабства» у нас не было бы великой России. Мы говорим, что без сталинского деспотизма и сталинских репрессий у нас не было бы праздника 9 мая.

Все сказанное выше во многом объясняет, почему для нас сегодня веховец Николай Бердяев более ценен, чем веховец Петр Струве, прежде всего потому, что первый как философ лучше других чувствовал духовные, вернее, антидуховные корни большевизма, видел те особенности русского национального сознания, которые превратили Октябрь в победоносную революцию. Здесь по уровню, качеству анализа особенностей того, что Семен Франк назвал «русским мировоззрением», ему среди веховцев не было равных. По крайней мере только

¹ Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность. С. 296–298.

Николай Бердяев увидел опасность, моральное уродство соединения того, что он называл большевистской реакционностью, со славянофильской реакционностью, увидел, что убийство людей может оправдываться не только идеалами коммунизма, но и верой в особое всемирное предназначение особой русской цивилизации. Николай Бердяев обращал внимание, что Ленина роднила с поздним славянофильством ненависть к буржуазной, западной цивилизации. Уже Достоевский в «Бесах» показал в образе Шатова, что сознание славянофильское перемешано с сознанием революционным. Такими шатовыми, как увидели уже в 1918 году, писал Николай Бердяев, «полна наша революция; у всех у них не разберешь, где кончается их крайняя левость и начинается крайняя правость и реакционность. Они всегда враги культуры, враги права, всегда истребляют свободу лица. Это они утверждают, что Россия выше цивилизации, и что никакой закон для них не писан. Эти люди готовы истребить Россию во имя русского мессианизма»¹.

Кстати, это важное, забытое нами открытие Николая Бердяева – что легко перейти от большевистской левой крайности к крайности консервативной – дает очень много и для понимания природы красного патриотизма, и для понимания причин нынешнего повального увлечения реакционным консерватизмом Константина Леонтьева.

В самой критике Николаем Бердяевым и марксистской, и национальной русской основы большевизма заложена позитивная программа, создаваемая на основе ценностей свободной посткоммунистической России. По сути, эта программа была сформулирована уже в «Вехах» по следам революции 1905–1907 годов и накануне революции 1917 года. Суть этой программы состояла в преодолении и национального, исторического, религиозного, то есть морального отщепенства «кровавого фанатизма» (Н. Бердяев) революционного социализма.

Логика Бердяева проста, и трудно понять, почему так долго посткоммунистическая Россия шла к идеологии либерального консерватизма. Если, во-первых, как было показано выше, советский марксизм-ленинизм лишил русских исторической памяти, ощущения неразрывной связи русских времен, убедил их, как у нас писала во время перестройки Нина Андреева, что «Родиной СССР является Октябрь», то необходимо начинать очищение от коммунизма с реабилитации тысячелетней российской истории, всех русских поколений, всех русских сословий, которые строили, защищали Россию, создавали ее военное и культурное величие. «Народ, – настаивал Николай Бердяев, – есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы и деды наши. Воля русского народа есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира Св. принял христианство, который собирал Россию при Великих Князьях Московских, который нашел выход из смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников и чтит их, создавал великое государство и культуру, великую русскую литературу»².

Для либерального консерватизма, который исповедовал Николай Бердяев, прежде всего было важно сознание того, что революция и связанное с ней революционное насилие, отрицание прошлого в принципе, по самой своей природе, революция, делающая ставку на «катастрофы», является злом. Основная миссия «либерально-консервативных элементов общества», настаивал Николай Бердяев, состоит в том, чтобы «поддерживать положительную связь между прошлым и будущим национальной жизни»³.

¹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 270.

² Бердяев Н. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон, 2002. С. 291.

³ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 гг. М.: Астрель, 2007. С. 440.

Мы никогда не освободимся от коммунистического наследства, пока не осознаем, что, как настаивал Николай Бердяев, «всякая революция – несчастье. Счастливых революций никогда не бывало... Русская революция – отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может... Революция есть рок народов и великое несчастье»¹.

Мы никогда не освободимся от советской марксистской идеологии, пока не впустим в свою душу эту истину, не осознаем изначальную ложность революционных методов решения социальных конфликтов. Муки родов нового, связанного с революцией, всегда затмевают счастье новой жизни. Нельзя, на что также обращал внимание Николай Бердяев, соединить то, что мы пытаемся соединить сегодня, соединить сакрализацию революции с возрождением религиозного чувства, веры в Бога. Надо понимать, что русский либеральный консерватизм в том виде, как он представлен в трудах Николая Бердяева, Семена Франка, Петра Струве, создавался веховцами, творцами русской религиозной философии. Они восстали против революционного марксизма, против большевистской революции прежде всего в силу ее богоборческого характера. Большевистская революция была для них неприемлема прежде всего потому, что она вела к деморализации общества. «Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью»². Или вера в революции, или вера в Бога. Надо осознавать, настаивал Бердяев, что «коммунизм есть борьба против духа и духовности»³. Если вы хотите возродить Россию, писал он, вы должны возродить свободу веры и ценность духовной и прежде всего религиозной жизни. Наверное, наша либеральная, атеистическая интеллигенция восстала против путинских попыток вспомнить Бердяева, потому что русский либеральный консерватизм по происхождению религиозен.

Если революционный социализм, коммунистический большевизм находятся «по ту сторону гуманизма»⁴, по ту сторону традиций человеколюбия, строятся целиком на философии революционного насилия, «революционного терроризма», то новую посткоммунистическую идеологию надо строить прежде всего на признании самоценности каждой человеческой жизни, на осуждении классовой морали. Надо, в конце концов, осознать, обращаясь к левым Бердяев, что «Маркс – антигуманист, в нем человеческое самоутверждение переходит в отрицание человека»⁵, а потому только последовательный, выросший из христианства гуманизм может освободить нас от наследия марксизма-ленинизма. Для Бердяева было принципиально важно осознание того (по этой причине он и был категорический противник учения об особой русской цивилизации), что преодоление коммунизма является общеевропейской задачей, что оно возможно только тогда, когда новая Россия осознает себя как неразрывная часть общей христианской цивилизации. Надо понимать, писал Бердяев, что коммунизм «не есть утопия или мечта», он есть «реальная угроза и предостережение для христианских народов, суровое напоминание им о том, что они не исполняли заветы Христа, что они отступили от христианства»⁶.

Николай Бердяев и Семен Франк не отрицали, что за победой большевиков стояла наша русская эгалитарная страсть, ибо «русских людей соблазняет мгновенное погружение в абсолютное единство и абсолютное равенство, без трудного пути истории, без ступеней, без иерархических различий и отбора лучших». Здесь же Бердяев говорит, что «социальный вопрос для русского на-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. С. 256–257.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 299–300.

родничества всегда был исключительно вопросом раздела и распределения, никогда творчества и производства». Но на всех этих страстях, даже если они исконно русские, тем более на нашей «злой зависти к соседу», заявляет Бердяев, ничего устойчивого построить невозможно, «ни государства, ни культуры, ни жизни хозяйственной, ни жизни духовной!»¹.

В том-то и дело, что русский либеральный консерватизм с момента его появления противостоял атеизму и национальному пораженчеству либералов и социалистов. Критикуя либеральную социалистическую интеллигенцию за ее отщепенство от русского государства, от русской нации, критикуя ее за безрелигиозность, он тем самым возводит свой либеральный консерватизм на фундамент ценностей государства, нации, религии, церкви. Но либеральный консерватизм Струве, Бердяева, Франка отличается от реакционного, охранительского консерватизма Победоносцева и Леонтьева тем, что он во все эти традиционные для консерватизма понятия вносит европейское содержание. И это самое важное, что необходимо учитывать, обращаясь к авторитету Бердяева, Струве или Франка. Нам нужна Россия, говорит Семен Франк, где наша традиционная «любовь к бедным не будет обращаться в любовь к бедности». Нам, в конце концов, надо понять, что «материальная обеспеченность», в которой и ранние, и поздние славянофилы видели лишь проявление западного мещанства, на самом деле «есть лишь спутник и символический показатель духовной мощи и духовной производительности»².

Еще более жестко связывал сильную государственность с внутренним могуществом, с усиленным производственным трудом Петр Струве. Да, он настаивает на том, что в основе всего лежит «государство и национальность», к которым прикрепляется неискоренимая религиозность человека. Но и это уже отличает консерватора Струве как западника от консерватора Леонтьева – он в своих статьях о государстве, как западник, подчеркивает, что мощь Северной Америки «коренится в началах личной свободы и общественного самоопределения»³, и одновременно отмечает, что не может быть великого государства без «дисциплины труда», которая лежит в основе культуры.

¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 гг. С. 632–633.

² Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 190.

³ Струве П.Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. С. 67.

Н.В. Стариков. Консерватизм на фоне тех безобразий, на фоне тех смертных грехов, которые сегодня выдаются за общечеловеческие ценности, имеет очень большую перспективу. И это видно по той реакции, которая происходит сегодня на события в России, на высказывания нашего лидера. Мы с вами должны брать всё то, что будет укреплять наше государство, и отбрасывать всё то, что будет его ослаблять. В этом смысле мне бы хотелось пооппонировать уважаемому Александру Сергеевичу [Ципко. – *Ред.*], который проговорил важнейшую фразу. Он сказал, что нужно взять всё то, что можно взять из консерватизма, добавить туда либеральной свободы Запада, и вот получится консерватизм. Александр Сергеевич, ничего не получится, потому что то, что сегодня называется свободами Запада, – это женщина с бородой. Вот женщину с бородой в наш консерватизм добавлять нельзя, потому что получится непонятно что.

А.С. Ципко. Мы говорим о ценностях, вы не очень аккуратны... Я десять раз сказал: самоценность человеческой жизни. Если вы отрицаете самоценность человеческой жизни... Всё имеет контекст. Или вы рассматриваете человека как жертву, при помощи которой можно строить это великое государство, или для вас человек не может быть жертвой. Это – коренная проблема. Если может – идите поклонитесь Сталину.

Н.В. Стариков. Мое отношение к Сталину – отдельно. Мы должны говорить как взрослые люди. Разговоры, которые сводятся к лозунгам о необходимости соблюдать человеческую жизнь, это всего лишь лозунги. Мы с вами понимаем, что в реальной мировой политике никого не заботит конкретная человеческая жизнь. Потому что как только руководитель государства думает о жизни одного человека, это значит он не будет присоединять Крым. Потому что присоединение Крыма – это две человеческие жизни. Что такое консервативные ценности в России? Это не право человека, это право народа. Это коренное различие между западной трактовкой

прав и того, что было в России всегда. У нас люди закрывали амбразуру почему? За права человека? За свои личные права? За право народа выжить. Воевали во всех войнах русские и следовали своим консервативным традициям. Поэтому втаскивать в наш консерватизм противоречащие нашим вековым устоям идеи – значит, изначально обречь дело на поражение. Вот что я хочу сказать.

С.А. Марков. Консерватизм возникает как ответ на вызовы. Что тогда воспринималось как вызовы? Во-первых, это ускоренная экстремизация общества, то, что называется «язва пролетариата» и возникавшая вследствие этого острейшая социальная напряженность. Социализм как символ этой напряженности, терроризм, противостояние государства и общества – всё это воспринималось как вызов. Консерватизм был ответом на него тех, кто решил пойти другим путем: «Мы не пойдем европейским путем, у нас другой путь». «Русская идея» – это предложить обществу и Европе другой путь. В этом корень первого этапа русского консерватизма. «Русская идея» базировалась на православии, нравственности. Второй этап русского консерватизма это 1920–1930-е годы. Это был вызов интеллектуалам, оказавшимся в эмиграции. Вызов в том, что коммунисты захватили их Родину. Им нужно было найти интеллектуальный выход из этой ситуации. Они его нашли: сами себя назвали евразийцами и большевиков назвали евразийцами, и тем самым произошло их интеллектуальной возвращение на Родину. Нынешнее возрождение консерватизма в России происходит по целому ряду причин. В обществе есть запрос на идеологию, мы пытаемся осмыслить свое место в истории. Но в чем вызов, который, как мне кажется, сейчас современными консервативными мыслителями считается главным? Это исчезновение России. Она исчезает у нас на глазах! Русских становится меньше, науки меньше, культуры меньше, наши фильмы не завоевывают места на фестивалях, наши зрители не смотрят наши фильмы, книги читают меньше, кино смотрят меньше, а пьют больше. Это главный вызов,

на который должен дать ответ современный русский консерватизм.

Пока он сконцентрировался в основном на том, что Россия фактически была колонизирована Западом, а Запад еще имеет некие мысли об уничтожении России. Поэтому русский консерватизм был сосредоточен на обосновании антиколониальной политики в России. Сейчас кроме идеи о том, что Запад колонизировал Россию и уничтожает ее, возникла вторая идея, второй вызов: сам Запад идет не туда. Налицо попытка создать альтернативную модель. Попытки здесь довольно слабенькие. Мне кажется, что сегодня перед нами два вызова: как нам не допустить таяния России и есть ли у нас смелость предлагать миру какое-то решение.

И.Л. Волгин. Мы потеряли фундамент – консервативное крестьянство. Крестьянство и есть народ, крестьянство ушло, его сейчас нет. На чем сейчас строятся наши рассуждения? Что есть народ? Нет нации в том представлении, как ее воспринимали славянофилы, западники, кто угодно. Нет крестьянства. Что является основой и стержнем этого государства?

А.С. Ципко. Сергей [С.А. Марков. – *Ред.*], как мне представляется, очень точно описал нынешнюю идеологическую ситуацию и причины поиска. Но мне кажется, что эта ситуация привела к возрождению не идеи консерватизма, а идеи особой русской цивилизации. Они берут Данилевского, отчужденность от Запада: мы особые, мы лучше других. Антибуржуазность была характерна и для Бердяева. Но это не русский либеральный консерватизм. Мы ведь сейчас рассуждаем не о консерватизме вообще,

мы рассуждаем о консерватизме после того, как совершили худо-бедно антикоммунистическую революцию. Нам ближе консерватизм Чичерина, Струве, Бердяева – либеральный консерватизм, который, как говорил Бердяев, формируется в противовес революционному социализму, революционному терроризму.

Нынешняя ситуация очень сложная. Вместо того чтобы приоткрывать наследство Бердяева, говорить о стереотипах революционного социализма, мы, напротив, оправдываем коммунизм, идеи русской цивилизации, общности, то есть всё то, против чего выступал Бердяев. Смысл наших споров в том, куда мы пойдём. Или мы возьмем этот либеральный консерватизм – такой термин, кстати, есть у Бердяева. Строго говоря, это термин Франка, который его употребляет, когда пишет о Струве. И у нас хватит сил осознать наши проблемы, найти в себе силы морального возрождения, как хотел этого Бердяев, и стать западными в лучшей духовности. Или же мы опять придумаем себе идею особой русской цивилизации, закроемся от Запада и будем медленно умирать, теперь уже окончательно.

С.А. Марков. Это защита. Идея русской цивилизации – это философская идея антиколониальной политической практики.

А.С. Ципко. Надо различать либеральный консерватизм и всю идеологию, которую строили Струве, Франк и Бердяев, о том, что должно быть после коммунизма, и то, что вы придумали, то есть идею об особой русской цивилизации, идею культурного изоляционизма, капитуляции.

